

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Л. П. ПОТАПОВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ В СОВЕТСКИХ МУЗЕЯХ *

Этнографическое исследование народов, населяющих нашу многонациональную Родину, как известно, имеет большое научное и практическое значение. Выдающееся место в самом изучении, а особенно в научной пропаганде его результатов, по праву принадлежит нашим музеям. Помимо специальных этнографических музеев республиканского или всесоюзного значения, этнографическая экспозиция должна занять подобающее ей место и в краеведческих музеях. Между тем необходимо признать, что разработка основных принципов, характера и методики этнографических экспозиций далеко отстала от научных и практических требований. Это обстоятельство затрудняет пока широкое использование этнографии как одной из важных исторических дисциплин для служения народу в деле построения коммунистического общества.

Такая обобщенная характеристика вовсе не означает, однако, что работа эта полностью отсутствует. Напротив, можно назвать ряд этнографических музеев, и в первую очередь Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР, Государственный музей этнографии народов СССР и другие, где вопросами этнографической экспозиции занимаются в течение многих лет, где созданы и практически осуществлены различные виды этнографической экспозиции. Но эта работа носит все еще как бы лабораторный характер, опыт ее до сих пор не обобщен, он ни разу не был предметом широкого обсуждения и не нашел освещения в печати. Между тем оживленное творческое обсуждение важнейших вопросов этнографической музейной экспозиции позволит наметить ее основные принципы, которые после их обсуждения и всеобщего признания могут стать исходными для творческой разработки различных типов этнографических экспозиций применительно к конкретным условиям работы того или иного музея, в зависимости от его профиля и состава коллекций.

Какими же возможностями мы располагаем для того, чтобы поставить перед собой эту довольно сложную задачу? Я думаю, что возможностей для этого у нас совершенно достаточно. В основу разработки этой проблемы мы должны положить научное и идейное богатство наших классиков марксизма-ленинизма и среди них в первую очередь труды И. В. Сталина, особенно его гениальную работу «Марксизм и вопросы языкознания», которая и для нас, этнографов, имеет основополагающее

* Переработанная стенограмма доклада, зачитанного на Этнографическом совещании в Москве в январе 1951 г.

значение. Многие мысли и научные выводы И. В. Сталина должны послужить основой для построения целых этнографических экспозиций или ее отдельных частей и должны быть включены в текст экспозиции как драгоценный фонд советской передовой исторической науки.

При установлении принципов этнографической экспозиции мы должны опираться также на достижения советской этнографии. Советская этнография как наука раздвинула рамки своего исследования по сравнению с дореволюционной этнографией. Она включила в объект своего исследования — и сделала это важнейшей задачей — изучение этнографической тематики применительно к современности, применительно к социалистической действительности народов Советского Союза. Игнорировать эти, как и другие достижения советской этнографии, значит отстать от науки, обречь этнографическую экспозицию на бесплодное, жалкое существование. Такая экспозиция может возбудить у посетителя лишь частный интерес к отдельным старинным вещам, но не даст ему научного знания о предмете, трактуемом в экспозиции. Достижением советской этнографии, занимающейся изучением народов с целью выяснения специфических национальных особенностей их культуры и быта, является и то, что она не исключает из предмета своего изучения рабочего класса той или иной социалистической нации, тогда как старая буржуазная этнография сосредоточивала свое внимание только на изучении крестьянства.

Одним словом, музейная этнографическая экспозиция, несмотря на ее специфичность, отличающую ее, скажем, от этнографической монографии, статьи или книги, не может развиваться по своим собственным теоретическим путям в отрыве от этнографической советской науки. Напротив, этнографическая экспозиция будет научной лишь в том случае, если она будет опираться на главные теоретические положения, характерные для советской этнографии.

Наконец, для решения проблемы этнографической экспозиции мы должны опираться на многолетний опыт построения различных видов этнографической экспозиции, накопленный работниками ряда советских музеев. В процессе обсуждения этот опыт безусловно выступит с достаточной полнотой. Таким образом, у нас имеются основные данные, чтобы приступить не только к исследованию, но и к решению поставленной проблемы.

При определении основных принципов музейной этнографической экспозиции необходимо исходить прежде всего из задач, стоящих перед нашими советскими музеями как научно-просветительными учреждениями. Наши советские музеи в корне отличаются от старых дореволюционных музеев, являвшихся преимущественно хранилищем случайно собранных и накопленных экспонатов; познавательное значение этих экспонатов было весьма низким, так как они не изучались в качестве исторического источника. Советские музеи производят сбор и накопление экспонатов и ведут их изучение по определенному научному плану, на основе метода диалектического материализма. Это позволяет нашим музеям из разнообразных форм своей работы сделать ведущей работу по экспозиции, т. е. по своеобразной научной публикации накопленного и изученного материала. Поэтому наши музеи являются сильным массовым средством научной, политико-просветительной пропаганды. Это относится как к специально этнографическим музеям, так и к музеям краеведческим, в которых этнографическая экспозиция должна составлять лишь часть общей экспозиции. Центральной задачей наших музеев является проведение воспитательной работы, способствующей выработке научного коммунистического мировоззрения, преодолению пережитков капитализма в сознании советских людей, укреплению и развитию советского патриотизма, любви и преданности к своему советскому народу и государству, мобилизации советских граждан на дальнейшую

борьбу за построение коммунистического общества. Поэтому главный, основной принцип этнографической экспозиции заключается в том, что, являясь строго научной, она должна быть проникнута большевистской идейностью, быть политически заостренной, доходчивой и понятной. Именно идейное содержание является ведущим признаком, определяющим качество экспозиции. Никакие, даже самые яркие и ценные экспонаты не могут обеспечить положительное качество нашей экспозиции, если они не будут объединены глубоким идейным содержанием. Содержанию должно быть подчинено и художественное оформление экспозиции. Этнографическая экспозиция в своем научном содержании должна опираться на основополагающие научно-теоретические идеи и положения классиков марксизма-ленинизма, лежащие в основе исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

В советском музее не могут иметь места старые, случайные по тематике экспозиции, которые по своему содержанию нередко отражали антинаучные, буржуазные взгляды (например, расистские теории, теорию культурных кругов, географическую теорию происхождения культуры и т. п.). В советском музее не могут быть терпимы и чисто вещеведческие экспозиции, оторванные от общей истории и истории культуры того или иного народа, игнорирующие социально-экономические отношения, отразившиеся в предметах культуры и быта данного народа. Любование вещами как таковыми, без раскрытия их сущности как памятников народной культуры, отразивших в себе определенную ступень исторического развития народа, специфику этого развития, недопустимо в среде советских музееведов. Такой подход к экспонатам является антинаучным, формалистическим.

Само собой разумеется, что этнографическая экспозиция должна иметь свою научную специфику, отличающую ее, например, от экспозиции исторической, трактующей вопросы истории того или иного народа. Этнографическая экспозиция должна отразить в показе и трактовке ту специфику общественных явлений, которая является предметом изучения этнографической науки. И. В. Сталин в его замечательном труде «Марксизм и вопросы языкознания» указал, что у общественных явлений «имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»¹. Говоря о специфических особенностях языка, И. В. Сталин подчеркнул: «Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки — языкознания. Без этих особенностей языка языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование»². Как известно, этнография является наукой о народах, занимающейся изучением их культуры и быта. В отличие от исторической науки, которая также изучает народы, этнография изучает специфические особенности в жизни каждого народа, которые отличают один народ от другого по признаку культуры и быта. Такое определение специфики этнографии делает задачи советской этнографической науки особенно актуальными, что находит подтверждение в известном выступлении И. В. Сталина 7 апреля 1948 г. на обеде в честь финляндской делегации, где он сказал: «Советские люди считают, что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»³.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 35.

² Там же, стр. 36.

³ «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

Следовательно, этнографическая экспозиция должна показать культуру и быт данного народа в его специфических национальных особенностях, отличающих его от других народов, показать своеобразие народной культуры и быта. Естественно, что показ культуры и быта народа в его специфических национальных особенностях должен вестись исторически, ибо в основе этнографического изучения общественных явлений лежит исторический подход, обязательный для каждой науки.

Советские этнографы-музеееды уже давно убедились в том, что единственным научным методом для этнографической экспозиции может быть признан только метод исторического показа, метод историко-материалистического объяснения этнографических фактов и явлений. Советские исследователи знают, что каждое этнографическое явление имеет свою историю, при этом историю не изолированную, а, наоборот, тесно связанную с окружающими его явлениями. Каждое этнографическое явление возникает, развивается, бытует или отмирает всегда в исторически определенное время, всегда в определенной исторической среде, на фоне определенной исторической обстановки. Отсюда, естественно, вытекает возможность показывать не только то, что отличает народы друг от друга, но и то, что несет в себе черты общности в их культуре и быте, порождаемой как общностью происхождения и исторической жизни, тесными культурными связями племен и народов, так и общностью задач советских народов в построении коммунизма и совместной их жизни в условиях советского государственного строя.

Историзм, в научном значении этого слова, и есть то основное требование, которое предъявляется советскими этнографами к музейной экспозиции. Здесь мы подходим к вопросу о хронологических рамках этнографической экспозиции, т. е. к вопросу о том, какие исторические периоды в жизни народа должна охватывать экспозиция. Вообще этот вопрос должен решаться для каждой этнографической экспозиции практически, в зависимости от наличия материала, состава коллекций, характера или типа этнографической экспозиции. Принципиально же необходимо, чтобы показ специфических особенностей культуры и быта народа шел по периодам или эпохам, характеризующим историю этого народа от глубокой древности до современности включительно. Особенно это желательно для центральных и республиканских этнографических музеев. Однако здесь приходится считаться с тем коллекционным наследством, которое оставили нам дореволюционные музеи, и наличием такого рода вещевое и прочего научного материала, который позволил бы осуществить этот, мы бы сказали, идеальный в методическом отношении показ этнографической экспозиции.

Во всех общих этнографических экспозициях наших музеев, посвященных выявлению специфических особенностей культуры и быта народа, показ должен вестись обязательно в разрезе двух исторических, принципиально резко отличных эпох: дореволюционной и современной, социалистической эпохи. Необходимость показа в этнографической экспозиции социалистической современности вытекает из существа советской этнографии как науки.

Этнографическая экспозиция должна выявить национальную специфику, национальную форму социалистической культуры и быта народов Советского Союза. Это является важнейшей задачей этнографической экспозиции, от успешного решения которой во многом зависит выполнение нашими музеями возложенных на них идейно-политических и научных задач, имеющих крупное воспитательное значение.

Характер показа современного состояния культуры и быта народа в этнографической экспозиции имеет первостепенное значение. В этом отношении необходимо подчеркнуть следующий принципиальный вопрос. Выявляя национальные особенности культуры и быта того или иного советского народа, этнографическая экспозиция не должна ограничивать-

ся показом этих специфических особенностей только на материале колхозного крестьянства. Она должна показать их и в среде городского населения и в первую очередь в среде рабочих, если эти специфические, национальные особенности характерны для быта указанной категории населения.

Само собой разумеется, что показ национальных особенностей высоко развитой социалистической культуры наших советских народов содержит много трудностей, особенно в силу малой изученности этих вопросов. Эта трудность с наибольшей отчетливостью выступает в отношении показа рабочего быта, в изучении которого советская этнография делает еще первые шаги как в смысле выработки соответствующей научной методики, так и в смысле собирания и осмысления конкретного материала. Ясно, что изучение этих вопросов должно быть поставлено этнографами и краеведами безотлагательно и достаточно серьезно.

Нельзя обойти молчанием также и трудности материального и даже технического порядка. Дело в том, что высоко развитые формы социалистической культуры и быта наших народов давно переросли музейные масштабы, музейные рамки, и втиснуть их туда нет никакой возможности, да и во многих случаях и не нужно этого делать. Если, характеризуя специфические особенности культуры и быта какого-нибудь отсталого народа в дореволюционную эпоху, музейный работник свободно вмещал в обычный музейный шкаф манекен, скажем, шорца-земледельца с мотыгой или эвенка-рыболова, склонившегося над прорубью, укрытой примитивным шалашиком, то вполне понятно, что нет возможности, да и необходимости показать манекен современного шорца, сидящего за штурвалом комбайна, как это есть в действительности. Или, если внутренняя домашняя обстановка дореволюционного русского крестьянина — обитателя курной избы — свободно вмещается в большой музейный шкаф, то попробуйте столь же реалистически в рядовом музее (я не говорю о музее на открытом воздухе) представить бытовую домашнюю обстановку русского колхозника, квартира которого состоит из нескольких комнат, богато обставленных мебелью. А если мы возьмем домашний быт рабочего крупного индустриального центра — русского или азербайджанца, украинца или узбека, грузина или хакаса, — то как можно все вместить не только в шкаф, но порой даже в зал музея?

Но все эти трудности не дают основания отказываться от показа национальных особенностей культуры и быта современного колхозника или рабочего той или иной советской нации. Они только обязывают решать этот вопрос практически и конкретно в каждом музее в зависимости от материальных и прочих возможностей. В одних случаях на помощь придет хорошая фотография, в других — картина; такие экспонаты в комплексе с подлинными предметами быта и соответствующими текстами, отражающими национальные специфические особенности, дадут возможность правильно выявить содержание экспозиции.

Показывать национальные, специфические особенности культуры и быта народа нужно не абстрактно, не в препарированном чистом виде, не в отрыве от реально бытующего многообразия, не в отрыве от исторической жизни народа, а на фоне всего этого. Делая упор на выявление национальной специфики в культуре и быте народа, этнографическая экспозиция должна не только на вещевых этнографических экспонатах, но и на дополнительном, вспомогательном материале — текстовом, иллюстративном и т. п. — дать представление об общем уровне культуры и быта данного народа, о важнейших событиях в его исторической жизни, прямым образом оказывающих влияние на его культуру и быт со всей их спецификой. Разве можно, например, давая этнографическую экспозицию по какому-нибудь отсталому в прошлом народу Сибири, обойти вопрос о ленинско-сталинской национальной политике в разделе современности или о колониальной политике царизма в разделе

дореволюционном? Разумеется, нельзя. Однако нужно помнить, что в этнографической экспозиции это должно быть фоном, а не самоцелью.

Другими словами, темой экспозиции является показ этнографического своеобразия культуры и быта народа, но не абстрактно, а в конкретных исторических условиях, т. е. либо в условиях ленинско-сталинской национальной политики, либо в условиях колониальной политики царизма. Следовательно, вопросы национальной советской политики и национальной политики царизма освещаются здесь не как самостоятельные темы, а только в плане раскрытия и выявления тех конкретных исторических условий, которые оказывают сильное влияние на форму и содержание культуры и быта народа.

При построении дореволюционного раздела этнографической экспозиции прежде всего нужно руководствоваться учением Ленина — Сталина о наличии двух национальных культур у каждого народа в условиях классового общества: культуры, подлинно народной, демократической по содержанию, и культуры эксплуататорских классов, которую ни в коем случае нельзя отождествлять с народной культурой в настоящем смысле этого слова. Соответствующий текстовый материал и расположение вещевых материалов в экспозиции должны четко это отражать и четко оттенять классовое расслоение народа.

Очень важно также в этом разделе этнографической экспозиции избежать нарочитой архаизации народной культуры, к которой многие этнографы едва ли не до последнего времени обнаруживали большую склонность. Увлекаясь экзотичностью архаического материала, легкостью и эффектною его показа, нетрудно впасть в научную и политическую ошибку и представить культуру и быт того или иного народа преувеличенно отсталой и тем самым исказить действительность. Вместе с тем недопустимо и приукрашивание, идеализация национальных особенностей дореволюционной культуры и быта того или иного народа.

Нужно твердо помнить, что не всякое явление народной культуры и быта должно получить положительную оценку в экспозиции. Многие явления народного быта, красочные и яркие по своей внешней форме, были порождены экономической и культурной отсталостью народа в условиях царизма и теперь полностью исчезли. Вспомним алтайский «чегедек» — костюм замужней женщины, яркий и красочный, пышный и громоздкий. Костюм этот в прошлом был обязательным для замужней женщины, которая должна была носить его зимой и летом, хотя он стеснял ее движения, мешал ей ходить и работать, изнурял ее. Снять его она не имела права, как не могла и изменить традиционного покроя, сделать его более удобным. Такой костюм показать нужно, он выгоден для показа и как декоративное пятно, привлекающее внимание посетителя, и как материал, на котором можно развернуть показ тяжелого положения алтайской женщины в прошлом. При этом надо подчеркнуть, что, несмотря на внешнюю эффектность чегедека, алтайка не любила его и не только из-за неудобства его покроя, но и как символ подчинения ее мужу и его родственникам, как символ бесправного своего положения. Может ли музей пропагандировать этот костюм в условиях современной жизни на том основании, что костюм этот создан народной традицией, является народным по своему происхождению? Конечно, нельзя; наоборот, нужно говорить об отрицательном значении этой народной одежды.

Напротив, те национальные формы культуры и быта, которые отражают положительный народный опыт, раскрывают творческие дарования народа, отличаются целесообразностью и применительно к современным условиям жизни народа, должны быть подчеркнуты как положительное культурное наследие, подлежащее сохранению и развитию (например, различные формы и элементы жилища, промысловой и бытовой одежды, наилучшим образом приспособленные к местным природ-

ным условиям, многие виды народного изобразительного искусства и т. п.).

Этот активный, а не созерцательный бесстрастный подход к выставляемым экспонатам должен быть важным правилом при построении этнографической экспозиции во всех ее разделах.

Наконец, важное значение имеют содержание и структура вводного раздела экспозиции, который должен дать посетителю представление о местообитании, географической среде, происхождении и основных этапах исторического развития народа. Этот раздел должен строиться на совокупности различных видов источников. Здесь могут быть привлечены археологический и антропологический материалы, выписки из письменных источников и научных исследований, географические карты, гравюры, фотографии и т. д. Этнографический материал, необходимый здесь для освещения вопросов этногенеза, может быть представлен в вещах, в этнографических картах и таблицах, в соответствующих текстах и т. д. Построение этого совершенно необходимого раздела представляет нелегкую задачу, полнота его содержания зависит от степени научной разработанности трактуемых в нем вопросов для того или иного народа и от наличия соответствующего материала.

Таковы те общие основные вопросы, которые необходимо учитывать при построении этнографической экспозиции. При этом следует иметь в виду, что основным материалом этнографической экспозиции должны быть подлинные вещи, характеризующие этнографическое своеобразие народа. Пояснительные тексты, фотографии, картины, модели и т. д., как правило, должны составлять вспомогательный, хотя важный и необходимый материал.

Этнографические вещевые памятники народной культуры и быта, накопленные нашими музеями, составляют ценнейшее национальное богатство, государственное достояние. Их необходимо бережно хранить, тщательно изучать и пополнять новыми сборами, особенно предметами, отражающими этнографическую специфику в культуре и быте советских народов. А главное, их нужно поставить на службу народа, т. е. сделать доступными для обозрения, для использования в научно-просветительных целях.

Необходимо научиться владеть музейным богатством и стремиться к тому, чтобы больше вещей включать в экспозицию. Не следует бояться вещей и прятать в фонды некоторые этнографические вещевые памятники, относящиеся к дореволюционному народному быту, на том якобы основании, что они более яркие и экспозиционно более эффектные, чем вещи современного социалистического быта. Такой формально-сравнительный подход к экспонатам ничего общего не имеет с настоящей наукой. Наука не боится никаких фактов, она умеет их объяснить. Нужно только показать, что за внешней красочностью отдельных вещей и предметов старого быта скрывалась убогость, зависимость трудящихся масс от эксплуататоров, глубокая культурная отсталость. Напротив, в современном разделе все материалы должны подчеркивать, что только теперь, на основе социалистической культуры и быта, народные массы стали жить настоящей культурной и зажиточной жизнью, что характерной и отличительной чертой социализма является обилие материальных и духовных благ, производство и создание которых у нас налажено для народа и в интересах народа.

В музеях специально этнографических, как республиканских, где накоплены коллекции, характеризующие культуру и быт народов данной республики, так и в центральных, где собраны коллекции по этнографии всех или большинства народов Советского Союза, экспозиции могут отличаться по своей тематике. Основным типом здесь должна быть экспозиция, посвященная этнографическому показу того или иного народа. Республиканский музей может и должен строить более подробные и

хронологически широкие этнографические экспозиции, в которых можно оттенить даже местные, локальные, варианты особенностей культуры и быта народа. В центральном музее, где необходимо показать как можно больше различных народов, экспозиция должна быть более сжатой, компактной и иногда даже объединять несколько народов (например, народы Поволжья, народы Северного Кавказа). Но, разумеется, ведущий показ этнографического своеобразия внутри такой экспозиции должен быть дан отдельно по народам. Наряду с этим в таких музеях допустимы и желательны более узкие тематические экспозиции, обычно открываемые сравнительно не надолго. Они могут показывать углубленно и подробно отдельные этнографические темы по тому или иному народу или группе народов. Такие экспозиции уже давно строились и строятся в наших центральных этнографических музеях и пользуются большим вниманием посетителей. Таковы, например, экспозиции «Народное искусство и национальная одежда славянских народов» или «Ковровые изделия народов Средней Азии», открытые в настоящее время Государственным музеем этнографии в Ленинграде. Можно назвать много нужных и актуальных тем, которые вызовут большой интерес у посетителей.

Этнографическая экспозиция в краеведческом музее должна носить несколько иной характер, применительно к профилю такого музея. Такого типа экспозициям посвящена специальная работа М. Г. Левина, напечатанная недавно в сборнике «Очередные задачи перестройки краеведческих музеев», изданном Научно-исследовательским институтом краеведческой и музейной работы при Комитете по делам культурно-просветительных учреждений. В этой интересной статье содержатся указания на разнообразное использование этнографического материала в краеведческом музее, с подчеркиванием необходимости осуществления при этом важнейшего принципа этнографической экспозиции — последовательного историзма. Однако в этой работе упущен весьма важный для этнографической экспозиции краеведческого музея вопрос о показе национальных, специфических особенностей рабочего быта. С этим дополнением изложенное в работе М. Г. Левина по поводу экспозиции этнографических материалов в краеведческих музеях вполне достаточно для того, чтобы правильно ориентировать в этом вопросе.

Особый характер носит экспозиция в этнографических музеях нового типа, где преобладающая часть больших по объему экспонатов в виде подлинных жилых и хозяйственных построек с их внутренним бытовым пополнением выставляется на открытом воздухе. Такой музей уже создан в Латвийской ССР, в окрестностях Риги. В настоящее время изучается вопрос об организации подобного музея, посвященного показу русской народной культуры и быта, в с. Коломенском под Москвой. Экспозиционные возможности для этнографических сюжетов в таком музее исключительно велики. Однако трудно предположить, что этот тип музея может получить большое распространение.

В соответствии с интенсивным развитием советской этнографии организация и развитие этнографической работы в местных культурных центрах советских республик, краев и областей приобретают весьма серьезное значение. Правильно построенная этнографическая экспозиция в наших музеях должна сыграть в этом отношении важную роль.